

Pseudo-Dionysius And Christian Visual Culture, c.500–900. (2020)

**Editors: Francesca Dell’Acqua, Ernesto Sergio Mainoldi,
Palgrave Macmillan. Serie: New Approaches to Byzantine History
and Culture. ISBN 978-3-030-24768-3;
ISBN 978-3-030-24769-0 (eBook).
doi:10.1007/978-3-030-24769-0**

Бузыкина И. Н., Музеи Московского Кремля. ORCID: 0000-0002-8717-8279, e-mail: irina.nik.buzykina@gmail.com

Для цитирования: Бузыкина И. Н. *Pseudo-Dionysius And Christian Visual Culture, c.500–900. (2020)* Editors: Francesca Dell’Acqua, Ernesto Sergio Mainoldi, Palgrave Macmillan. Serie: New Approaches to Byzantine History and Culture. ISBN 978-3-030-24768-3; ISBN 978-3-030-24769-0 (eBook). doi:10.1007/978-3-030-24769-0. Обзор книги. *Российский журнал истории Церкви.* 2021;2(3):90-94. doi:10.15829/2686-973X-2021-71

Pseudo-Dionysius And Christian Visual Culture, c.500–900. (2020)

**Editors: Francesca Dell’Acqua, Ernesto Sergio Mainoldi,
Palgrave Macmillan. Serie: New Approaches to Byzantine History
and Culture. ISBN 978-3-030-24768-3;
ISBN 978-3-030-24769-0 (eBook).
doi:10.1007/978-3-030-24769-0**

Irina N. Buzykina, Moscow Kremlin Museums. ORCID: 0000-0002-8717-8279, e-mail: irina.nik.buzykina@gmail.com

For citation: Irina N. Buzykina. *Pseudo-Dionysius And Christian Visual Culture, c.500–900. (2020)* Editors: Francesca Dell’Acqua, Ernesto Sergio Mainoldi, Palgrave Macmillan. Serie: New Approaches to Byzantine History and Culture. ISBN 978-3-030-24768-3; ISBN 978-3-030-24769-0 (eBook). doi:10.1007/978-3-030-24769-0. Review. *Russian Journal of Church History.* 2021;2(3):90-94. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2021-71

Сборник посвящен влиянию ареопагитского корпуса на визуальную культуру в позднеантичной и раннесредневековой христианской традиции. Имя Дионисия (точнее, Псевдо-Дионисия) Ареопагита неизменно появляется в богословских комментариях в качестве авторитетного источника, поскольку автор корпуса традиционно ассоциировался с учеником апостола Павла, но особенно ярко влияние этих текстов проявилось в сферах, имеющих пространственно-визуальное измерение. Среди наиболее разработанных топосов можно назвать метафизику света, иерархии ангельских сил, символическое богословие и визуально выразительные метафоры, обозначающие творение в категориях художественного: сияющая темнота, божественный художник, геометрические метафоры для описания движения ангелов и душ (р. V). Составители сборника обращаются к интерпретации и трансляции идей ареопагитского корпуса в разных уголках Римской империи, на Востоке и Западе, вне пределов

Византии и в раннесредневековых европейских государствах. Влияние этого комплекса на протяжении многих веков оставалось значительным не только для развития богословской мысли и во внутрицерковных вопросах. Еще в прошлом веке ученые обратили внимание на то, что идеи ареопагитского комплекса, “переведенные” на язык изобразительных искусств, оказали огромное влияние на визуальную культуру, в частности, по мнению Эрвина Панофского, возникновение и развитие готической архитектуры во многом определяла идея “божественного света”.

Составители сборника подчеркивают, что не ставили своей задачей охватить в полной мере все аспекты влияния Ареопагитик на культуру христианского мира (поскольку носит характер продолжающегося действия, хронология ограничена условно 500-900 гг., что в принципе не является обоснованным некими знаковыми событиями рамкой, но указывает на время, когда, цитируя слова Эверил Кэмерон, “классическая античность окончательно превратилась в Византию”). Они скорее “предлагают читателю оценить, насколько глубокой была связь между текстами ареопагитского корпуса и различными сторонами как византийской, так и западно-христианской культуры в таких сферах, как церковная и светская власть, политика, религия и искусства в период его распространения, и насколько длительным оказалось его влияние на образное мышление и фигуративное искусство Средиземноморского христианства” (р. VI).

Сборник результатом работы участников международного семинара Società Internazionale per lo Studio del Medioevo Latino, проходившего в 2014 г. во Флоренции, и секции, посвященной Псевдо-Дионисию в искусстве, на международном конгрессе медиевистов в Лидсе в 2015 г. (International Medieval Congress).

Структура тома организована таким образом, что каждая глава имеет отношение проблематике изображения, рассмотренной из определенной перспективы. Авторы отдельных глав представляют, “как идеи и умообразные образы ареопагитского корпуса отражали философские подходы и в то же время сеяли семена размышлений о небесном и земном царствах посредством зримых изображений”. (р. viii) Составители сборника подчеркивают, что не следует понимать буквально, будто художественные воплощения идей полностью раскрывают все богатство смыслов, заложенное в изначальном тексте — скорее они являются показателем того, насколько насыщенной была трансляция идей через визуальные выразительные средства. Все авторы представленных в сборнике текстов принимают точку зрения на автора корпуса как на достойного доверия сторонника официальной Церкви (это важная оговорка, учитывая то, что влиятельными в христианской среде текстами в начальный период, да и не только, могли оказываться, например, апокрифы, исходящие из маргинальных групп христиан, и в данном случае — это не так), находящегося в русле святоотеческих писаний (общепринятая датировка корпуса — VI в.) и в целом исторического развития раннехристианской богословской и философской мысли эпохи поздней Античности. Этой точке зрения противостоит расхожее мнение, тематизирующее принадлежность Псевдо-Дионисия к неоплатонической философии. Однако оно упускает из вида укорененность

этого автора, помимо идей неоплатонизма и традиций Афинской школы, в традициях христианского богословия и богослужебной и аскетической практики.

Книга состоит из 9 глав: первые три в основном посвящены вопросам философской традиции, в том числе преемственности между классической античной и христианской философией; четвертая, пятая и шестая — христианской аскетике, духовной и церковной иерархии; седьмая — влиянию Псевдо-Дионисия на византийскую гомилетику; восьмая — сюжету Вознесения Марии в связи с ареопагитским корпусом; девятая — после-иконоборческой программе мозаик Святой Софии. Некоторые темы являются сквозными для нескольких или всех глав, к примеру, образ иерархического порядка небесных и земных сил, визуализация умозрительных образов, глубокая укорененность приемов византийской риторики в классической древнегреческой философии.

Каждая глава написана квалифицированным экспертом — специалистом в области философии, истории, культуры или искусства эпохи поздней Античности, Средневековья или византизмом. Первая глава, *Reassessing the Historico-Doctrinal Background of Pseudo-Dionysius' Image*, является исследованием Эрнесто Серджио Маинольди, который рассматривает теорию образа (*eikonic thinking*), развивавшуюся параллельно с распространением влияния ареопагитского корпуса на восточно-христианское богословие. Он приводит свидетельства бытования этой концепции в VI в. н.э., обращает внимание на связь символического богословия и библейской экзегезы, а также выводит происхождение теории образа как минимум из двух основных источников — творений Великих каппадокийцев (IV в. н.э.) и неоплатонической традиции. Затем он рассматривает вклад собственно ареопагитического корпуса в разработку этой теории и дальнейшее ее развитие и трансформации.

Во второй главе Анжело Таволаро продолжает тематизировать теорию образа, но в ином измерении, рассматривая в качестве эстетических категорий Писание и таинства Церкви — *Eikon and Symbolon in the Corpus Dionysiacum: Scriptures and Sacraments as Aesthetic Categories*. Автор также обращает внимание на неоплатонические основы корпуса, и, в частности, на богословскую эстетику Прокла, на которую автор корпуса очевидно опирался. Здесь рассмотрены вопросы о разной роли символа и образа в богослужении и Писании, а также относящиеся к эпитетам Творца как художника, поэзии как теургии или первой лжи, рассмотренные Проклом в комментарии к “Государству” Платона. Божественная иерархия Псевдо-Дионисия соотнесена с иерархией отдаления от божественного, восходящей к платоновским идеям. Здесь же рассмотрены различия между символическим и миметическим в литургии и Писании. Символизм критически важен для понимания того, как концепция поэзии, предложенная Проклом, повлияла на ареопагитскую экзегезу (р. 50). Мимесис применяется для передачи земной церковью смысла литургии, чтобы объяснить верным священные символы (р. 54). Однако Псевдо-Дионисий не просто перенимает предложенные Проклом парадигмы символического и миметического, но и дополняет их, предлагая особый экзегетический путь. В третьей

главе — *Pseudo-Dionysius and the Importance of Sensible Things* — Филип Иванович рассматривает место чувственно постигаемых вещей в ареопагитском корпусе: он касается экклезиологического, эстетического и сотериологического аспектов. Важность материального измерения, описанного в категориях божественной и земной иерархий, покажет себя в годы иконоборческих смут. Четвертая глава, написанная монахом Евгением Иверитом, *The Relation of Monks to Clergy in the Dionysian Hierarchy and Its Byzantine Reception*, посвящена церковной иерархии в творениях Псевдо-Дионисия и ее фактической рецепции в Византии. Здесь речь трех важнейших интерпретаторах “Церковной иерархии” — Иоанне Скифопольском, Антиохе Мар Сабе и Максиме Исповеднике — и о путях и сложностях — теоретических и практических, разворачивающихся перед решающими задачей адаптации, казалось бы, простой идеи подчинения монашеского чина церковной иерархии. Пятая глава связана тематически с предыдущей, но обращается не только к аскетическим добродетелям, но образам воплощенной добродетели и праведности. Кэтрин Марсенджиль пишет о святых: *Images of Holy Men in Late Antiquity in Light of Pseudo-Dionysius the Areopagite: Framing Spiritual Ascent and Visualising Spiritual Hierarchy*.

Шестая глава, написанная Владимиром Ивановичи, *Pseudo-Dionysius and the Staging of Divine Order in Sixth-Century Architecture*, посвящена идее божественной иерархии, представленной в пространстве храма. В ней рассматривается церковная архитектура эпохи императора Юстиниана и, в частности, главное культовое сооружение Византийской империи — храм Святой Софии, неповторимое произведение искусства, в котором соединились попытки визуализировать не богословские идеи, но и могущество земной империи. Храм, как известно со времен Античности, должен являть собой образ космоса, но составные части и структуры, символизирующие гармонию этого самого космоса, как показывает пример юстиниановской архитектуры, могут быть организованы в соответствии с различными принципами (например, иерархичности: иерархии пространств, градации наполненности светом и т.п.; диалога между божественным и земным).

Седьмая глава, *„Visual Thinking“ and the Influence of Pseudo-Dionysius the Areopagite in the Homilies and Hymns of Andrew of Crete*, Мэри Б. Каннингэм обращается, как и авторы предыдущих глав, к идее образа как физического отражения (воспринимаемой умозрительно) божественной реальности, в творениях церковного иерарха и писателя VIII в., времени начала первого иконоборческого периода, критского архиепископа Андрея Иерусалимского (автора знаменитого покаянного канона). Возможность физического зрения трактуется им как инструмент восхождения к Богу, что делает визуализацию богословских идей непосредственным аргументом в защиту иконопочитания. Автор рассматривает влияние текстов ареопагитского корпуса на творения Андрея, в частности, Слово на Успение Богоматери и Слово о Преображении, где активно разрабатывается метафора божественного света, образа зримого и духовного (*eikon*) в евангельской истории и в таинствах Церкви. Позиция самого Андрея Критского по отношению к созданию и почитанию икон, тем не менее, не вполне однозначна, поскольку обстоятельства, в которых он жил и творил, отде-

ляли его от общеимперского контекста — епископство на острове, находящемся более под угрозой исламской, нежели имперской иконоборческой экспансии.

Восьмая глава *Pseudo-Dionysius and the Dormition of the Virgin Platytera* („*Wider Than the Heavens*“), написанная редактором-составителем сборника, Франческой Делляква, рассматривает источники взаимосвязей между текстами ареопагитского корпуса и сверхчувственным событием Взятия на небо Богоматери, поскольку большинство комментаторов соотносят первое упоминание *Transitus* именно с пассажем из трактата “О Божественных именах” (р. 239). Гомилетика восьмого столетия открывает для себя Псевдо-Дионисия как авторитетный источник, сообщающий об Успении и взятии на небеса Марии, связывает этот сюжет с верой в то, что Мария была “сосудом избранным”, чья утроба вместила невместимость Бога. Эпитет Богородицы “ширшая небес”, *πλατυτέρα τῶν οὐρανῶν*, непосредственно связан с ареопагитическим способом мышления и выражения идеи о роли Богоматери как ковчега Воплощения, получившим визуальное осуществление в средневековом искусстве в сценах Успения Марии, в частности, знаменитой росписи церкви св. Франциска в Ассизи. Автор статьи рассматривает этот аспект почитания Богоматери в контексте также пост-иконоборческой Византии и приводит примеры западнохристианского осмысления образа *Платитеры* в изобразительных памятниках и агиографических и мариологических текстах раннего и высокого Средневековья.

Девятая глава, *Pseudo-Dionysius and the Post-Iconoclastic Mosaic Programme of Hagia Sophia*, представляет исследование Наталии Б. Тетерятников о художественном воплощении концепций ареопагитского корпуса в программе декора храма Святой Софии в Константинополе — знаменитых мозаик, ансамбль которых сложился после иконоборческих смут во второй половине IX в. Автор обращает внимание на то, что степень интереса к ареопагитическому представлению об иерархической структуре мироздания в IX в., когда создавался новый декор Святой Софии, довольно трудно установить, поскольку этому вопросу прежде не уделялось внимания: однако во времена иконоборческих споров обе стороны апеллировали к ареопагитскому корпусу, находя в нем авторитетное оправдание взаимно противоположных суждений относительно почитания изображения божественного физическими средствами. Важность идей, связываемых с фигурой Псевдо-Дионисия, для духовного измерения жизни империи напрямую подтверждается причислением предполагаемого их автора, Дионисия Ареопагита, к лику святых, состоявшееся после окончания иконоборчества.

Конечно, трудно представить себе современное издание, посвященное визуальному, без иллюстраций. Многие главы (4, 5, 6, 8, 9) предлагают богатый иллюстративный ряд, представляющий памятники византийского времени, имеющие непосредственное отношение к визуализации образов, описанных или упомянутых в ареопагитском корпусе или комментариях к нему. Ко второй главе (для любителей иконологических таблиц Панфского) прилагаются сравнительные таблицы с изложением (на языке оригинала и в переводе на английский) символического и миметического методов в текстах Прокла и Псевдо-Дионисия.